

ОТКАЗ ОТ БЕЗЛИКИХ СЛОВ: СЛОВОТВОРЧЕСТВО СОЛЖЕНИЦЫНА

Алла Пеетерс-Подгаевская

1 Словообразование как деятельность

По мнению Земской, словообразование – один из важнейших действующих механизмов языка, и его деятельный характер проявляется в постоянном пополнении языка огромным количеством новых слов самого разнообразного строения и семантики, отвечающих всем потребностям общения (Земская 2009: 5). Если взглянуть на историю развития словарного состава русского языка за последние триста лет, то мы увидим, насколько активно проходил этот процесс, подстегиваемый, с одной стороны, строительством нового социума и расширением понятийного аппарата, ведущего к созданию новых номинаций, а с другой – утверждением литературного языка и формированием общественной базы носителей литературной нормы (см. подробнее об этом в Подгаевская 2008: 57-66; Comrie et al. 1996: 185-230).

Словообразование как деятельность реализуется через говорящего, у которого всегда имеется некая установка либо на создание нового необходимого наименования, либо на придание форме выражения большей экспрессии, либо на согласование способа выражения с определенной сферой речи или областью общения (Земская 2009: 8). За каждым новым словом стоит его создатель, языковая личность, которая, опираясь на систему языка и используя свою языковую компетенцию, строит слова и тексты.

Новые слова не проходят незамеченными, но не каждое слово остается. Предпосылками закрепления лексических новообразований в языке являются, с одной стороны, соблюдение в широком плане действующих законов и тенденций, ориентация на существующие схемы и модели, а с другой – коммуникативная целесообразность. Только речевые единицы, выполняющие общественно необходимые номинативные функции, принимаются

языковым коллективом, а затем и словообразовательной нормой (Миськевич 1977: 60-61).

Все новые слова можно подразделить на неологизмы, получившие статус общественно узаконенных номинаций; потенциальные слова, которые совершенно свободно образуются на основе продуктивных моделей, каждый раз порождаясь, когда возникает потребность в наименовании понятия, не имеющего закрепившейся в традиции номинации; и окказиональные слова, являющиеся как индивидуальные авторские образования частью конкретного текста (см. Миськевич 1977: 42).

В данной статье мы обратимся к проблеме потенциальных и окказиональных слов, которые, вслед за Земской (2009: 180), мы относим к разряду неузальных номинаций.

2 Неузальные слова

Неузальные слова характеризуют совершенно особый аспект языка – творческий, эстетический, индивидуальный. Они показывают, на что способен язык при порождении новых слов, каковы его творческие потенции. И если слова потенциальные заполняют пустые клетки словообразовательных парадигм, то окказионализмы ориентированы на индивидуальную творческую компетенцию говорящего. Трудно, однако, согласиться с тем, что они являются как бы нарушителями общих законов словообразования (см. Земская 2009: 180), поскольку все они создаются по существующим словообразовательным моделям, следуя законам аналогии. Ведь без аналогического сопоставления, аналогического фона, опоры на существующее ни потенциальные слова, ни окказиональные не могут быть поняты адресатом, и цель говорящего окажется недостигнутой.

Всем неузальным словам, таким образом, присущи: принадлежность к речи (а не к языку); ненормативность; словообразовательная производность; творимость (а не воспроизводимость); функциональная одноразовость; индивидуальность; экспрессивность (Миськевич 1977: 64-71). В непосредственном речевом восприятии все эти признаки сфокусированы в одном – в создании эффекта окказиональности, реализуемого благодаря столкновению

между тем, что могло бы быть в языке в соответствии с его системой, и тем, чего реально нет в общем пользовании языкового коллектива (Миськевич 1977: 70).

Некоторые разновидности речи (например, деловая или отчасти научная) не терпят неузуальных словообразований, тяготея к стандартности. Другие же, такие как газетная, разговорно-бытовая и особенно художественная речь, наоборот, стремятся к индивидуализации и экспрессии языковых форм выражения.

Включение в письменный текст неузуальных слов, однако, не является чем-то самым собой разумеющимся. Так, например, в художественных произведениях XIX века лишь изредка встречаются авторские неологизмы, что было связано, по всей видимости, с общими словообразовательными процессами в языке и представлениями того времени о границах допустимого в литературной норме. В конце же XIX – начале XX века ситуация меняется, и индивидуальные новообразования активно проникают в поэтические тексты, что объяснялось установками тогдашней поэзии и поэтической эстетики (см. Якобсон 1987: 272-316).

В прозаических же текстах на протяжении всего XX века, несмотря на мощный поток неологизмов, отражающих новые явления жизни и быстро вошедших в обиход, собственно окказионализмы редки. И даже такие новаторы слова, как Андрей Белый и Андрей Платонов, достаточно осторожно пользуются возможностями индивидуального словообразования. Для публицистики и языка газет раскрепощенность в использовании окказионализмов наступает только в конце XX века (Земская 2000: 128).

В этой связи особое место занимает творчество А.И. Солженицына, насыщенное неузуальной лексикой. Несмотря на это, однако, его произведения не используются в качестве иллюстративного материала в работах по словопроизводству.¹ Практически нет и серьезных исследований, посвященных детальному анализу словотворчества крупнейшего прозаика XX века, хотя в его словообразовательных опытах прослеживается много интересных общеязыковых тенденций. Те же работы, что есть, к сожалению, или ограничиваются общими замечаниями по поводу “необычной” лексики писателя

(Винокур 1965; Carrovich 1976; Семенова 1996; Спиваковский 1998), или обращаются к специфичному и мало репрезентативному материалу (Горова 2009).²

Именно поэтому целью данной статьи является анализ некоторых общих словотворческих механизмов, которые использует автор в своей работе над словом и текстом.

3 В поисках “живого” слова

Первое, что бросается в глаза не носителю русского языка при знакомстве с любым произведением Солженицына – это наличие большого количества “странных” слов, затрудняющих понимание содержания и даже отвращающих читателя или переводчика от текста (см. Carrovich 1976: 5; Спиваковский 1998: 81). Напротив, тот, для кого русский язык является родным, находит эти слова в большинстве случаев естественными и органичными.

Свою склонность к неузואальным словоупотреблениям писатель объяснял желанием “реанимировать” письменную речь, придать ей свежесть и энергичную образность, вернуть ей “русскость”. По его мнению, русский язык значительно пострадал “еще с петровских времен то от насильственной властной ломки, то под перьями образованного сословия, думавшего по-французски, то от резвости переводчика, то от торопливости пишущих, знающих цену мысли и времени, но не слову” (Солженицын 1965). При этом не пощадили ни словарного запаса, ни грамматического строя, ни, самое главное, склада, т.е. синтаксического своеобразия построения русской фразы.³

Не останавливаясь подробно на всех приемах обогащения лексических средств в его произведениях, отметим, что “иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутья к нему” Солженицын хотел восполнить, с одной стороны, творческой переработкой словаря Даля, результатом чего впоследствии явился его *Русский словарь языкового расширения* (Солженицын 2007). Включая в свои произведения десятки вышедших из употребления слов, писатель пытался вернуть из словарного архива то, что, по его мнению, выгодно выделяется трудно определимой, но отчетливой новизной своего внутреннего смыслового и экспрессивно-звукового облика. Не всегда,

однако, солженицынские “архивные разыскания” оправданы или убедительны. Так, вряд ли удачны позаимствованные у Даля *обопнуться* ‘упорствовать, упираться’ или *толпошиться* ‘толочься’ (см. далее разбор конкретных примеров в Ржевский 1969: 77-80; Сагрович 1976: 4; Семенова 1996: 22-23).

С другой стороны, писатель стремился оживить русскую письменную речь, придав ей экспрессию и разговорную непосредственность, использованием просторечных и диалектных слов, включением слов и оборотов тюремного и лагерного жаргона, которые он употреблял исключительно тактично, с чувством соразмерности и сообразности (см. Винокур 1965: 24-27; Семенова 1996: 24).

Однако наиболее интересен для нас третий путь, который избирает писатель в своей борьбе с замутненным языковым сознанием, с безликим новоязом, по словам Чалмаева (1994: 232), – путь индивидуального словотворчества, путь не столько языкового расширения, сколько языкового сгущения. Благодаря естественному совпадению со структурными и выразительными свойствами народной речи, лежащей в основе солженицынской стилистики, авторские новообразования не воспринимаются как нечто инородное в общем потоке тонко дифференцированных лексических средств. Именно благодаря этому читателю на первый взгляд так сложно определить, что “придумал” автор, а что взял и воспроизвел.

4 Словотворчество у Солженицына

Неузальные слова Солженицына относятся к самым разным частям речи (см. словарь трудных слов Солженицына в Сагрович (1976)), среди которых глагольное словообразование выделяется своим богатством и разнообразием. Не имея возможности в рамках данной статьи рассмотреть весь массив новообразований писателя, мы остановимся в нашем разборе именно на этом аспекте его словотворчества.⁴

Интересно, что солженицынские словообразовательные “склонности” находятся в резком контрасте с общеязыковыми тенденциями. Так, по данным *Банка русских неологизмов*, производство новых глаголов составляет лишь девять процентов от общего количества новообразований (Земская 2000: 126),

а у Солженицына оно оказывается чуть ли не самым важным. Кроме того, если для общих деривационных процессов характерно активное использование иноязычных корней, то установка автора – на оживление лексического потенциала именно русского языка (Солженицын 2007: 3-4).

Если взглянуть на все глагольные новообразования, то мы увидим как бы два ведущих механизма в создании новых слов.⁵ Один служит для восполнения видо-временной или, шире, аспектуальной парности с опорой на уже существующий в языке глагол. Другой механизм направлен на создание неологизмов, содержащих новые смыслы, на основе неожиданного, нетривиального сочетания различных глагольных корней и приставок.⁶

4.1 Создание видовой парности

Проблему восполнения отсутствующей в словоупотреблении видовой пары Солженицын решает двумя способами. Во-первых, он прибегает к возможностям вторичной имперфективации, важнейшему резерву видообразования в русском языке, что обусловлено потребностью писателя, отталкиваясь от исходного префиксального перфектива, выразить длительное или многократное действие (Ремчукова 2004: 84-85). Например:

- (1) О семье он мог говорить и спокойно, и шутливо, о Сталине же – никогда, голос его **задрагивал**. (*Раковый корпус*)
- (2) Не то чтоб он находил удовольствие давить и слушать, как **похрущивают**, а пусть не врут, пусть правду думают. (*Раковый корпус*)

Как известно, в русском литературном языке глагол совершенного вида *задрожать*, образованный от бесприставочного имперфектива *дрожать*, передает с помощью приставки *за-* начинательность действия, а глагол *похрущивать*, произведенный от *хрустеть*, – ограничительность и слабую интенсивность действия, заключенные в приставке *по-*. Однако Солженицыну, при сохранении этих смыслов, важно подчеркнуть еще и обыденность и повторяемость действий, переданных приставочными перфективами, что и достигается путем вторичной имперфективации (с помощью суффикса *-ива-*). Таким

образом, *задрагивать* можно интерпретировать как ‘всякий раз начинать дрожать’, а *похрущивать* – как ‘время от времени слабо хрустеть’. Компактность формы, стуженность смыслов и экспрессивность здесь очевидны.

Иногда для подчеркивания просторечности стиля автор использует морфонологические чередования, характерные для разговорного языка, но в данном случае неоправданные:

- (3) Сенька Шухову шлакоблоки **подсавывает**, раствор Кильдигсов сюда в корытце перевалили. (*Один день*)⁷

Как известно, вторичным имперфективам с суффиксом *-ива-* присуща вариативность корневой морфемы: {о} в безударной позиции переходит в {а} под ударением. Эта общезыковая тенденция нарушается лишь в том случае, когда {о} сохраняет ударение и во вторичном имперфективе (см. Земская 2000: 339-341). Именно к этой группе и относится глагол *подсовывать*. Солженицын же пытается здесь следовать распространенной разговорной тенденции, нарушая морфонологические закономерности и создавая тем самым окказионализм.

Заметим, что с той же целью “опросторечивания” автор нередко заменяет литературные формы на *-ива-* просторечными с суффиксом *-а-*. Ср.:

- (4) ... у пацана карандаш **одождал** записывать рецепт. (*Раковый корпус*),

где вместо литературного *одалживать* автор употребляет просторечное *одолжать*.

Вторичная имперфективация – излюбленный словообразовательный прием писателя (Ремчукова 2004: 85). Проза Солженицына насыщена вторичными имперфективами (в проанализированных текстах отмечен 21 случай подобного словопроизводства), которые легко образуются не только от глаголов совершенного вида, исключаяющих в норме дальнейшее видообразование (например, *растарываться* ‘очень стараться’, *побалтываться* ‘время от времени болтаться’), но и от перфективов, которых в языке просто не существует (*оттрагивать* ‘отходить назад’, *переталкиваться* ‘толкаться из одной стороны в другую’). Роль вторичной имперфективации двойка. С од-

ной стороны, она создает эффект узнавания: новообразование воспринимается как глагол, уже закрепившийся в узусе и обретший свою историю (Кронгауз 1998: 22). С другой стороны, вторичная имперфективация помогает совместить в одном акте номинации и определенный способ действия, выраженный перфективом, и идею повторяемости, незавершенности, обыденности, заключенную в имперфективе.

Однако в работе над словом и текстом писателю, хотя и гораздо реже, бывает необходимо подчеркнуть как раз результативность действия. Поэтому, во-вторых, путем суффиксальной перфективации от канонических глаголов несовершенного вида он образует неузальные глаголы совершенного вида. Например, перфектив *изгалиться* в 5, произведенный от узального *изгальаться* ‘злбно издеваться’ с помощью суффикса *-и-*, нужен автору, чтобы подчеркнуть актуальность момента повествования, а также результативность действия, его неизбежность:⁸

- (5) Беда теперь будет, если 104-я уже прошла, – Хромой весь лагерь знает в лицо и при заве ни за что с чужой бригадой не пустит, нарочно **изгалится**. (*Один день*)

Наряду с чисто видовыми противопоставлениями у Солженицына встречаются окказиональные глаголы, противопоставленные узальному имперфективам по признаку многоактности и одноактности, что достигается прежде всего при помощи суффикса “мгновенного действия” *-ну-*:

- (6) – Не боись, – **бормотнул** он. (*Раковый корпус*)
- (7) На мгновение **болтнулся** проводок к миру внешнему – и оборвался. (*Раковый корпус*)

Так, в русском языке глаголы несовершенного вида *бормотать* и *болтаться* обозначают повторяющиеся действия, состоящие из отдельных “квантов”, которые, сливаясь в непосредственном восприятии наблюдателя, формируют некий процесс (ср. Шатуновский 2009: 121). Именно эта “квантовость” дает возможность Солженицыну выделить отдельный дискретный момент и сфо-

кусировать на нем внимание читателя, хотя в узусе, несмотря на сходные по смыслу одноактные *шепнуть* или *качнуться*, данные глаголы не ассоциируются с “мгновенным действием”.

В некоторых случаях автор допускает мену корней:

- (8) Но зоев стол был близко, она слышала и **прискочила**. (*Раковый корпус*),⁹

где вместо обычного *при-скакать* он использует корень *соч-*, подчеркивая тем самым одноактность движения, состоящего как бы из одного скачка.

Как видим, при создании глагольных окказионализмов писатель обращается к наиболее базовым противопоставлениям значений, с одной стороны, завершенности vs. незавершенности, многократности, а с другой – одноактности vs. многоактности. Таким образом, любое действие у Солженицына может сгуститься до одного дискретного момента, отразиться в нем во всей своей полноте, а может растянуться, образуя череду нанизанных друг на друга одинаковых актов-“квантов”.

4.2 Создание новых смыслов

Создание новых значений глаголов достигается у писателя прежде всего помещением общеизвестных слов в новый неожиданный контекст и благодаря этому обнаружением у их составных частей (приставок и основ) новых смыслов, потенциально заложенных в них, но не актуализированных:

- (9) Шухов положил на колени рукавицы, расстегнулся, намордник свой дорожный, оледеневший развязал с шеи, **сломил** несколько раз и в карман спрятал. (*Один день*)
- (10) Так он **усиделся** в своей прогретой окаменелости, такая ему была неохота двигаться, подниматься, как на ненавистную работу!
(*Раковый корпус*)

Как *сломить*, так и *усидеть(ся)* известны носителю русского языка, например, в *сломить сопротивление противника*, *усидеться на одном месте* и т.д.

Здесь же, в новом контексте, в сочетании с нетривиальными актантами они приобретают несколько иное значение: ‘сложить что-либо, переломив’ и ‘сидя, комфортно устроиться’. Сложное взаимодействие приставки и глагольной основы, переосмысление их под влиянием контекста, актуализация определенной словообразовательной модели путем снятия многозначности приставки и выявление внутренней формы слова – все это помогает читателю не домыслить действие, а как бы увидеть все его нюансы своими глазами.

В других случаях существующие глаголы помещаются в настолько неожиданный, изначально чуждый им контекст, что они полностью теряют свой первоначальный смысл, выхолащиваются, превращаясь, по определению Кронгауза (1998: 28), в глаголы-джокеры с опустошенными основами. Только контекст способен наполнить их смыслом, придать им конкретное содержание. Приведем примеры:

- (11) [...] Шухов вспомнил: сегодня судьба решается – хотят их 104-ю бригаду **фугануть** со строительства мастерских на новый объект «Соцбытгородок». (*Один день*)

Так, глагол *фугануть* обозначает на тюремно-лагерном жаргоне ‘сбить краденое’ (Балдаев и др. 1992: 263), в данном же контексте, благодаря актуализации звукового сходства с просторечным глаголом *шугануть*, он приобретает значение ‘послать кого-либо куда-либо силой, припугнув’.

- (12) Сколько Ефрем этих баб **охобачивал** – представить себе нельзя. Еще вначале вел им счет, женам – особо, потом не утруждался. (*Раковый кортус*)

И в данном примере диалектное *охобачивать* ‘бить гибким кнутом, опоясывать ударом’ ничего не имеет общего с описываемой ситуацией, однако звуковые ассоциации с *похабничать* и общая идея охвата действием, заключенная в приставке *о-*, дают возможность точнее уяснить смысл всего предложения.

Следует, однако, отметить, что использование глаголов-джокеров не характерно для солженицынской работы над словом по той простой причине,

что для него вновь созданное слово должно не намекать на ситуацию, а максимально отражать ее, визуализировать, снимать всякую возможность множественной интерпретации.

Другим распространенным механизмом, встречающимся в словотворчестве Солженицына, является собственно создание новых глаголов с помощью различных приставок.¹⁰ При этом возникшее значение новообразования представляет собой сложное взаимодействие между корнем, приставкой и контекстом, степень влияния каждого из которых на конечный результат бывает подчас сложно определить. Так, с одной стороны, полисемия приставки (а большинство приставок в русском языке многозначны) снимается контекстом, который направляет ход мыслей читателя и сужает набор интерпретаций. С другой стороны, приставка встраивает неологизм в целый ряд ему подобных по структуре узуальных глаголов, вычлняя в них общие свойства, что ведет к переосмыслению глагольной основы и переработке ее смысла в соответствии с данным образцом (Кронгауз 1998: 20). Кроме того, сама основа влияет на выбор приставки, поскольку сущность заключенного в глаголе действия, его природа, могут исключать или допускать целый ряд префиксальных образований. По мнению Кронгауза (1998: 203, 205), в значении глагола присутствуют определенные семантические признаки, обуславливающие его сочетаемость или несочетаемость с приставками.

Если взглянуть на глагольное словотворчество Солженицына, то здесь можно выделить несколько типов отношений между основой и приставкой (ср. Udes 2011: 54): 1) новообразование есть результат соединения (бес)приставочного глагола с приставкой; 2) новообразование есть результат контаминации двух приставочных глаголов, относящихся к разным словообразовательным моделям;¹¹ 3) новообразование есть результат взаимодействия именной основы и приставки; 4) новообразование есть результат взаимодействия опустошенной или вымышленной основы с приставкой и контекстом.

1 Анализируя солженицынские неологизмы, являющиеся результатом соединения (бес)приставочного глагола с приставкой, можно выделить четыре способа их взаимодействия:

а) бесприставочный глагол сохраняет свою первоначальную семантику, а приставка придает новый оттенок значению, уточняет способ реализации действия (см. также Udes 2011: 24). Например:

(13) Рассчитывая, что из закошенных двух порций уж хоть одна-то будет его, Шухов быстро принялся за свою кровную. Для того он колено правое подтянул к животу, из-под валеного голенища вытянул ложку «Усть-Ижма, 1944», шапку снял, поджал под левую мышку, а ложкою **обтронул** кашу с краев. (*Один день*)

(14) Иногда он **взморщивался**, перекашивался лицом, как от укола, брался за голову. (*Раковый корпус*)

Бесприставочные *тронуть* и *морщиться* ни в коей мере не нарушили бы смысла приведенных предложений. Однако для Солженицына принципиально, как совершается действие. Он стремится к максимальной точности словесного изображения, пытаясь визуализировать то, что описывает. Так, важно, что Шухов трогает кашу, делая круговые движения ложкой вдоль краев. Именно этот смысл и выражает в 13 приставка *об-*. Важно и то, что Ефрем, морщась, как бы собирает морщины кверху, что передается в 14 приставкой *вз-*. Солженицынские новообразования дают возможность автору в одном слове выразить смысл целого словосочетания, а порой и предложения, достигая таким образом эффекта сжатости, динамизма повествования и точности изображения.

б) бесприставочный глагол сохраняет лишь слабую первоначальную ассоциативную или прагматическую нагруженность, приставка обозначает само действие:

(15) Шухов проворно спрятался от Татарина за угол барака: второй раз попадешься – опять **пригребется**. (*Один день*)

Общее значение *пригрестись* в 15 восстанавливается на основе более широкого контекста и приставки *при-*, встраивающей окказионализм в ряд ему подобных узуальных глаголов, типа *пристать*, *прицепиться*, *привязаться*. Основа же здесь обозначает не само действие, а уточняет лишь способ его реализации, указывая на своеобразную походку Татарины вразвалочку, загребая ногами.

Нередко неологизм у Солженицына образует антонимическую пару к общепринятому глаголу. Так, в следующем примере *рассмеркиваться* '(рас)светать' представляет собой своеобразный антоним к *смеркаться*:

- (16) Уже **рассмеркивалось**. Догорал костер конвоя за вахтой. Они перед разводом всегда разжигают костер – чтобы греться и чтоб считать виднее. (*Один день*)

Вторичный имперфектив *рассмеркиваться* здесь не излишество: он необходим писателю в его показе беспросветности и извечной повторяемости событий лагерной жизни, где стирается контраст между днем и ночью, где нет просветов и не может быть рассвета, ведь свет всегда несет в себе нечто позитивное, надежду на изменение. Таким образом, *смеркаться* и *рассмеркиваться*, будучи антонимами, образованными от одного корня, создают образ замкнутого круга, где начало одновременно является и концом.

Интересны и случаи, когда приставка, создавая совершенно новый смысл, намекает на существование узуального однокоренного (приставочного) антонима, включая окказионализм таким образом в определенную деривационную парадигму:

- (17) Один глаз он закрыл в кривой пожимке, а одним смотрел. [...] Он **расщурился**. (*Раковый корпус*)
- (18) ... она уже **расщелкнула** большой черный ридиколь и вытянула оттуда три пятидесятки. (*Раковый корпус*)

Так, *расщуриться* или *расщелкнуть*, однозначно понятные читателю, который узнает в них узуальные *сощуриться* и *защелкнуть*, образованы с помощью

приставки *раз-*, входящей в антонимические пары продуктивных приставок *со-* – *раз-* и *за-* – *раз-*.

в) приставочный глагол сохраняет свою первоначальную семантику, а смена приставки придает новый оттенок значению, уточняет способ совершения действия. Приведем несколько примеров:

- (19) ... Шухов доспел валенки обуть на две портянки, бушлат надеть сверх телогрейки и туго **вспоясаться** веревочкой... (*Один день*)
- (20) ... она сжала губы в ниточку, и **схмурилась**, и лоб стянула... (*Раковый корпус*)
- (21) Надо было в один день отказаться от всего, что составляло жизнь [...] долго не зная, до конца она **домрет** или вернется к существованию. (*Раковый корпус*)

Общепринятые глаголы *опоясаться*, *нахмуриться* или *умереть* вполне могли бы заменить неузואальные солженицынские эквиваленты. Однако в 19 писателю не достаточно назвать действие ‘обвязать себя поясом’, ему важно визуализировать его. Приставка *вс-* помогает читателю представить направление движения вверх Шуховских рук, держащих концы веревки при затягивании узла на поясе. Стремление к визуальности видно и в примере 20, где автор пытается передать в слове то, что передать практически невозможно, а именно: направленность мимики лица, собирание всех мышц в одну точку, что поддерживается в контексте и другими глаголами с приставкой *с-*: *сжать*, *стянуть*. Узואальный *нахмуриться* выпал бы из этого ряда иной мотивированностью, что ослабило бы образ, расшатало бы его. То же желание усилить образ заставляет писателя употребить в 21 приставку *до-* в завершительном значении, подчеркнув тем самым доведение действия до последнего предела, которое в глаголе *умереть* выражено гораздо слабее.

К особому типу г) можно отнести те случаи, когда бесприставочный глагол вступает в сложное взаимодействие с приставочным глаголом, что порождает зачастую необычный эффект:

- (22) Сенька Клевшин – он тихий, бедолага. [...] В Бухенвальде чудом смерть **обминул**, теперь отбывает срок тихо. (*Один день*)

Солженицынский глагол *обминуть* в вышеприведенном примере, с одной стороны, построен на фонетическом сходстве глаголов *обмануть* и *минуть*, порождая новый смысл ‘миновать, обманув; спастись с помощью обмана’. С другой стороны, немаловажную роль в интерпретации играет и приставка *об-*, встраивающая окказионализм в словообразовательную модель “об- + глагол движения” со значением ‘обойти стороной’.

В примере 23 новообразование *стронуть* представляет собой взаимодействие бесприставочного глагола *тронуть*, указывающего на движение к объекту, с приставочным *снять*, выражающим идею удаления от объекта (движением вниз), что порождает антонимическое напряжение смыслов:

- (23) А тут ему в окошечко еще стопку мисок опорожненных суют. Он с тех нижних мисок руки **стронул**, стопку порожних назад передаст. (*Один день*)

Хотя в русском языке и существует глагол *стронуть* в значении ‘сдвинуть, заставить сойти с места’, думается, что здесь мы имеем дело скорее с омонимичными глаголами, один из которых является узуальным, а другой окказиональным, поскольку контексты употребления и ассоциации, с ними связанные, далеко отстоят друг от друга.

2 Ко второму типу у Солженицына можно отнести новообразования, представляющие собой результат сложного взаимодействия двух приставочных глаголов, при котором контекст и приставка как бы подразумевают определенный узуальный глагол, основа которого в действительности, однако, заменена другой, сочетающейся в узусе с иной приставкой и входящей в совершенно иную словообразовательную модель. При этом и приставка, и глагольная основа могут как обозначать действие, так и модифицировать его. Например, в глаголе *издобыть* в 24 именно *-добыть* несет основную смысловую нагрузку, называя действие, а приставка *из-* в значении ‘исчерпанности и

полноты проявления действия' уточняет способ его реализации, актуализируя при этом ассоциативную связь с такими глаголами, как *изловчиться*, *изошцриться*, *извернуться*, и включая окказионализм в новый смысловой ряд:

- (24) **Издобыть** на снегу на голом, чем окна те зашить, не было легко. (*Один день*)

В примере 25 распределение ролей совершенно иное:

- (25) Установку печи не оплатят, и обогревалку не оплатят: это для себя делали, не для производства. А в наряде что-то писать надо. Может, еще Цезарь бригадиру что в нарядах подмучает – уважителен к нему бригадир, зря бы не стал. (*Один день*)

Приставка *под-* в *подмучить* 'придумать с трудом, измучившись', намекая на полнозначный глагол *подписать* 'приписать', несет в себе, вместе с контекстом, основную информацию о действии, в то время как глагольная основа *-мучить* лишь указывает на способ его выполнения. Таким образом, распространенное мнение о том, что основа называет действие, а приставка его модифицирует, не всегда приложимо к словотворчеству Солженицына, где приставка обладает определенной автономностью, выполняя конституирующие функции.

Как правило, исходные глаголы относятся к одной понятийной сфере, что упрощает понимание авторских неологизмов. Здесь возможны следующие типы взаимодействия:

а) исходные глаголы находятся в синонимических отношениях:

- (26) И, походив так, останавливался именно у кровати Русанова, **переклонялся** к нему через спинку всей своей негнущейся верхней половиной... (*Раковый корпус*)

В примере 26 *переклоняться* есть результат наложения семантически близких *наклоняться/склоняться* и *перегнуть*. Однако при всем сходстве исходных глаголов автор чувствует тончайшую разницу в оттенках их значений, кото-

рую он и пытается запечатлеть в своем новообразовании. Ведь *гнуть* – это не просто ‘клоняюсь, опуститься книзу’, но и ‘изогнуть при этом спину’, а именно этого солженицынский герой сделать больше не может в силу окостенелости больного тела, не способного свободно двигаться. Таким образом, глагольная основа здесь обозначает действие, способ реализации которого уточняется приставкой. Интересно, что и выбор предлога, сочетающегося с окказиональным глаголом, обусловлен приставкой: *пере-* в значении ‘направление действия через что-либо’ требует предлога *через*.

Не всегда, однако, бывает легко ответить на вопрос, что называет действие, а что его модифицирует. Например:

- (27) Одинаково, что на кухне полы не стелены, что в столовой. Как землю **зоторили** ногами, так и осталась в буграх да в ямках. (*Один день*)

Так, *зоторить* образован слиянием сходных по смыслу глаголов *затоптать* (землю ногами) и *проторить* (дорожку). Причем остается сложным определить роль приставки и глагольной основы в создании цельного образа.

б) исходные глаголы находятся в антонимических отношениях. Например:

- (28) **Отпыхался** Шухов пока, оглянулся – а месяц-то, батюшка, нахмурился багрово, уж на небо весь вылез. (*Один день*),

где *отпыхаться* представляет собой контаминацию глаголов *запыхаться* и *отдышаться*, обозначающих противоположные действия и представляющих собой понятийные антонимы. И здесь, как и в выше приведенных примерах, приставка как бы формирует ситуацию, указывая на связь с каноническим *отдышаться*, в то время как основа окказионализма уточняет способ реализации действия.

в) исходные (однокоренные) глаголы находятся в деривационных отношениях:

- (29) Цезарь оборотился, руку протянул за кашей, на Шухова и не посмотрел, будто каша сама приехала по воздуху, – и за свое:

– Но слушайте, искусство – это не что, а как.

Подхватился Х-123 и ребром ладони по столу, по столу:

– Нет уж, к чертовой матери ваше “как”, если оно добрых чувств во мне не пробудит! (*Один день*)

В приведенном примере *подхватиться* представляет собой наложение смыслов однокоренных *схватиться* ‘сцепиться, начиная борьбу’ и *подхватить* ‘поддержать, продолжить начатое’. Несмотря на то, что русскому языку известен просторечный глагол *подхватиться* ‘быстро собраться и отправиться’, думается, что здесь все-таки имеет место создание нового, омонимичного глагола, а не расширение семантики прежнего, поскольку значения неологизма и узуального глагола, контексты их употребления и ассоциации, с ними связанные, далеко отстоят друг от друга.

г) исходные глаголы входят в состав устойчивых оборотов. Например:

- (30) Так что пусть завидует, кому в чужих руках всегда редька толще, а Шухов понимает жизнь и на чужое добро брюха не **распяливает**. (*Один день*)

В 30 сочетание *распяливать брюхо* восходит к фразеологизмам *пялить глаза* и *раззевать рот*, совмеща в себе идею фиксации внимания на чем-либо и неоправданной претензии на что-либо.

Не всегда, однако, исходные глаголы принадлежат к одной и той же понятийной сфере. Так, окказионализм *прокликаться* в примере 31 мотивирован совершенно различными действиями: движения (*продвигаться/пробираться*) и говорения (*перекликаться*):

- (31) **Прокликаясь** через тесноту, от каждой бригады работяги по два, по три носили на деревянных подносах миски с баландой и кашей и искали для них места на столах. (*Один день*)

3 К третьей группе солженицынских глагольных новообразований относятся слова, возникшие в результате взаимодействия именной основы и приставки. Например:

- (32) И не проверяя и не пересчитывая, потому что никто у Тюриня никуда уйти не мог, он быстро стал **разнаряжать**. Эстонцев двоих да Клевшина с Гопчиком послал большой растворный ящик неподалеку взять и нести на ТЭЦ. (*Один день*)
- (33) Деревья только чуть **отзеленивали** от серого: был тот момент, когда зеленый цвет уже не отсутствует в дереве, но серого еще гораздо больше. (*Раковый кортус*)

Как правило, подобные окказиональные находки автора можно заменить вполне каноническими словосочетаниями существительного или наречия с приставочным глаголом, от которого заимствуется приставка, благодаря чему получившийся неологизм легко встраивается в существующую словообразовательную модель. Так, *разнаряжать* есть не что иное как ‘распределять наряды’,¹² а *отзеленивать* – ‘отсвечивать/отдавать зеленым’. Однако использование подобных новообразований, а не обычных словосочетаний, оправдывается всей авторской поэтикой, его стремлением к созданию сжатого, динамичного, максимально емкого образа, поиском единственно верного слова, отражающего всю суть ситуации.

4 Если в первых трех группах взаимодействие глагольной или именной основы с приставкой является для читателя вполне достаточным условием правильной интерпретации ситуации, то глагольные окказионализмы четвертой группы проясняются только в более широком контексте, мотивирующем выбор приставки:

- (34) **Улупил** помощник бригадира 32-й и еще с ним парень один – туда, к авторемонтным, искать. (*Один день*)

Так, глагол *улупить* не имеет ничего общего с однокоренным *лупить* ‘сильно хлестать’ или ‘очищать от коры’. Значение ‘быстро убежать’ восстанавливает-

ся здесь по приставке, входящей в словообразовательную модель “у- + глагол движения”, и контексту.

Роль взаимодействия приставки и контекста становится особенно заметной в случаях вымышленных корней. Ср.:

(35) И все услышали окрики кавторанга в дверях, как с капитанского мостика: – Чего столпились? Поели – и выходи! Дай другим!
Повар **пробуркотел** еще, выпрямился, и опять в окошке появились его руки. (*Один день*)

(36) Надзирателю, бригадиру, – а придурку посылочному как не дать? Да он другой раз твою посылку так **затурсует**, ее неделю в списках не будет. (*Один день*)

Ни *пробуркотеть*, ни *затурсовать* не известны в нормативном русском языке. Однако весь контекст, выбор приставки и отдаленная звуковая связь с полнозначными глаголами *пробурчать*, а также *затырить* ‘спрятать’, *затуричь* ‘угнать’ или *тусануть* ‘нелегально передать что-либо’ помогают быстрее и полнее понять смысл описываемого.

Иногда новый глагол возникает в результате наложения двух корневых морфем в сочетании с приставкой, что, безусловно, обогащает смысл, вызывая у читателя двойной ряд ассоциаций:

(37) Пять, положим, не пять, а четыре только: из пяти дней один **захалтыривает** начальство, катит на гарантийке весь лагерь вровень, и лучших и худших. Вроде не обидно никому, всем ведь поровну, а экономят на нашем брюхе. (*Один день*)

Так, *захалтыривать*, осложненный подвижной границей между корневыми морфемами, возможной меной фонем в корнях, приставкой *за-* со значением ‘завершенность действия’ и вторичной имперфективацией, представляет собой сплав двух исходных глаголов: *халтурить* ‘работать крайне плохо, спустя рукава’ и *тырить* ‘красть, воровать’.¹³

Ту же подвижность границы между различными морфемами мы видим и

в примерах с глаголом *сумутиться*, который совмещает в себе значения кодифицированных *суетиться*, *смутиться*, *мутить* ‘вносить смуту’, а также просторечных *сумятиться* ‘делать ненужные движения, суетиться’ и *суматошничать* ‘разводить суматоху’:

(38) а С каким-то этапом новый доктор появился – Степан Григорьич, гонкий такой да звонкий, сам **сумутится**, и больным нет покою...
(*Один день*)

(38) б Конвой **сумутится**, толкует по дощечкам счетным. Не хватает! (*Один день*)

Однако, как уже отмечалось, использование глаголов-пустышек, а тем более вымышленных основ не характерно для Солженицына. Его поэтика словесного сгущения направлена на создание точного и емкого образа, визуализирующего действие, снимающего всякую возможность множественной интерпретации, а это как раз и противоречит самой природе опустошенных или вымышленных глаголов, значение которых угадывается через более широкий контекст.

Установка на сжатость формы и динамизм повествования заставляет Солженицына отказаться и от префиксальных поисков-повторов, т.е. нанизывания разных глаголов с одной и той же приставкой для нагнетания смыслов. В этом плане случаи, подобные 39, скорее относятся к исключениям:

(39) Ахали, охали, совещались... Все ж прикрыли меня плащами на третьей полке. Тогда кондуктора с гепеушниками ходили. Не о билете шло – о шкуре. До Новосибирска **дотаили**, довели... (*Один день*),

где *довезти* поясняет вполне прозрачный смысл *дотаить* – ‘сохранить в тайне до конца’. Также крайне редкими являются и случаи корневых повторов:¹⁴

(40) – Эх, буранов давно нет! – **вздохнул** краснолицый латыш Кильгас.
– За всю зиму – ни бурана! Что за зима?!
– Да... буранов... буранов... – **перевздохнула** бригада. (*Один день*),

(41) Павлу Николаевичу стало трудно **дышать**, хотя, кажется, уж он **обдышался** в палате. (*Раковый корпус*),

где приставочные *перевздохнуть* и *обдышаться* (дистрибутивная *пере-* в сочтении с актантом *бригада* указывает на поочередность и полный охват действием всех субъектов, а *об-* и весь контекст явно предполагают действие ‘обжиться’) как бы вторят ранее употребленным в контексте глаголам *вздохнуть* и *дышать*, создавая некий эхо-эффект.

Как видим, солженицынские глагольные окказионализмы есть результат сложного взаимодействия между приставкой и глагольной основой, поочередно выполняющими то роль сигнификата действия, то его модификатора. У писателя есть любимые приставки и любимые значения, к которым он часто прибегает для создания новых смыслов. Приведем их:

до-: ‘доведение действия до логического предела’ (*довернуться* ‘полностью развернуться’, *дохрястывать* ‘раскрошиться до конца’);

за-: ‘начало действия’ (*задрагивать* ‘начать иногда дрожать’, *зарьяться* ‘рьяно взяться за дело’) и ‘доведение действия до конца’ (*застоять* ‘защитить’, *заторопить* ‘запутать кого-либо, подгоняя’);

о-/об-: ‘полный охват’ (*овеселять* ‘делать веселым’, *обтронуть* ‘потрогать со всех сторон’);

от-: ‘завершение выполнения действия’ (*отпыхаться* ‘отдышаться’) и ‘движение назад’ (*оттрагивать* ‘отходить назад’);

под-: ‘слабая интенсивность протекания действия’ (*подмучить* ‘приписать, вымучив’);

пере-: ‘движение через что-либо’ (*переклониться* ‘наклониться через что-то, не сгибаясь’), ‘взаимность действия’ (*переталкиваться* ‘толкаться из одной стороны в другую’) и ‘поочередное распространение действия на ряд объектов’ (*перевздохнуть* ‘вздохнуть по очереди’);

раз-: ‘ликвидация действия’ (*рассмеркиваться* ‘рассветать’) и ‘распределение по частям’ (*разнаряжать* ‘распределять наряды’, *расставиться* ‘занять позиции’);

с-: 'движение сверху вниз' (*стронуть* 'отнять руки', *стяпнуть* 'стащить, стянуть');

у-: 'доведение до (не)желательного состояния' (*ущипать* 'украсть, отщипывая по кусочку', *урекаться* 'зарекаться') и 'движение в сторону от чего-либо' (*улупить* 'убежать').

В отборе приставок Солженицына опирается на свое языковое чутье, безошибочно следуя при этом общеязыковым тенденциям. И поэтому вполне закономерно, что его излюбленные приставки и значения отличаются в современном русском языке высокой продуктивностью.¹⁵

5 Запечатление "неизвестной" мысли в слове

Словотворчество Солженицына носит прежде всего компрессивно-номинативный характер. Автор не стремится к одной лишь экспрессии. Новое слово должно обозначить некий фрагмент действительности, точно передать смысл, визуализировать действие, которое в силу природы печатного текста мы можем только прочитать, а не увидеть. Абсолютная свежесть солженицынского слова создает уникальность речевой ситуации, предельную конкретность, визуальность, которую в такой мере не способно выразить обычное слово как единица языка, ибо в языке есть только общее.

Все неузуальные слова Солженицына следуют словообразовательным законам и тенденциям русского языка, ищут опору в аналогии, и поэтому они прозрачны и по строению, и по значению, ведь задача писателя не затуманить смысл, а прояснить его, насытить конкретным. Отсутствие в неологизмах резкой ненормативности ведет к тому, что они органически вписываются в текст, лишь своей когнитивно-образной сгущенностью выделяясь из общего потока каноничной лексики. Именно поэтому у писателя бывает сложно провести границу между индивидуальными словообразованиями и существующими, но малоупотребительными словами. Так, довольно необычны для современного читателя *знахалиться* 'стать нахалом', *ущербнуть* 'нанести ущерб' или *оклычиться* 'оскалиться, показывая клыки', которые воспринимаются как явные окказионализмы, но известны по словарям Даля и Ушакова. А такие индивидуальные находки Солженицына, как *чушкаться* 'медлить,

копаться' или *сумутиться* 'суетиться не по делу', воспринимаются как просторечные или диалектные слова. Может быть, именно эта невыявленность, стертость границы между своим и чужим, и удерживает многих исследователей по словообразованию от включения в свои работы примеров из солженицынской прозы.

Еще более тонкой является грань между потенциальными и явно окказиональными словами. Так, по данным интернета, образованные по довольно продуктивным моделям глаголы *дотемнеть* 'совсем стемнеть', *оттрагивать* 'поддаться назад', *застыживаться* 'начинать стыдиться' можно явно отнести к солженицынским неологизмам, в то время как не упоминаемые еще в словарях *отненавидеть* 'перестать ненавидеть', *урекаться* 'зарекаться', *изморять* 'мучить, морить' или *домереть* 'окончательно умереть' перешагнули грань окказиональности, и точное авторство их определить уже не возможно.¹⁶

В своем словотворчестве писатель идет двумя путями. С одной стороны, он создает новые значения, помещая существующие глаголы в непривычные, неожиданные контексты и актуализируя тем самым внутреннюю форму слова и смыслы отдельных частей. С другой стороны, следуя определенным словообразовательным моделям, из высоко употребительных морфем автор творит новые глаголы, которые в свою очередь либо служат для создания аспектуальной парности, отсутствующей в стандартном языке, либо заполняют пробелы словообразовательных парадигм, либо рождают нетривиальные, новые смыслы.

Солженицынские неологизмы незаменимы. Стоит только попытаться вместо них вставить обычные слова, как немедленно обнаружится, что множество семантических и стилистических оттенков исчезло невозвратно (см. также Спиваковский 1998: 91). Как правило, эти оттенки налагаются на более общие, глубинные, первичные представления о действии и его реализации. Так, повторяемость у Солженицына противопоставляется однократности, начинательность – доведению действия до предела, собирание в одно целое и охват – разъятию, а движение к цели – движению от цели. Авторские глагольные окказионализмы есть результат соположения и наложения друг

на друга в одном акте номинации двух конкретных действий, которые угадываются, прочитываются, восстанавливаются по взаимодействию между приставкой, глагольной основой и контекстом. В своей работе над словом Солженицын, как правило, оперирует глаголами одной смысловой сферы, но относящимися к различным словообразовательным моделям, будь то синонимы, или антонимы. Контаминация глагольных основ, принадлежащих к разным понятийным рядам, для писателя является скорее исключением. Также не характерно для него и использование глаголов-джокеров, вымышленных корней или поисков-повторов. Точность изображаемого в сжатом, сконцентрированном виде, емкость образов, сгущенная поэтика смыслов нацелены на создание слова ради текста, а не текста ради игры слов.

Стремясь в своем творчестве к предельной ясности и динамизму повествования, Солженицын апеллирует к знанию читателем “действительной жизни”. В этом он принципиально отличается от таких новаторов слова, как Маяковский, Хлебников, Цветаева. Солженицынское просторечие отличается от цветаевской ‘фольклорности’, его прозрачность и сгущенность смыслов далеки от хлебниковского “улавливания мерцания фона”, по выражению Земской (2009: 185), а стремление к компрессивной номинативности имеет мало общего с экспрессивностью и словесной игрой Маяковского.

В заключение отметим, что словотворчество Солженицына очень важно для анализа не только индивидуальных, но и общезыковых словообразовательных механизмов, а также понимания глубинных возможностей и потенциалов русского языка, поскольку оно является результатом аналитической проработки не только всех существующих словарей и лучших образцов отечественной литературы, но и всего того, что “подслушал” писатель в разных местах “из коренной струи языка”.

Амстердамский университет

Примечания

- 1 Так, в таких фундаментальных работах по словообразованию, как Земская (2009) или Кронгауз (1998), не встречено ни одного примера из Солженицына.
- 2 В этой связи особое место занимает дипломная работа Ришарда Удеса (Udes 2011), который, насколько мне известно, первым попытался всесторонне проанализировать механизмы

образования окказиональных глаголов Солженицына в его повести *Один день Ивана Денисовича*.

3 В своей единственной статье, напечатанной в Советском Союзе, Солженицын пишет:

Словарный запас неуклонно тощал; ленились выскивать и привлекать достойные русские слова, или стыдились их “грубости”, или корили их за неспособность выразить современную высокую тонкую мысль...

Кто скажет *убывь* (действие по глаголу), *нагромоodka*? Обязательно: *убывание, нагромождение*. Кто напишет *для сохрону*? Нам подай *для сохранения*. [...]

И избыток отвлеченных существительных – это тоже не наше, надо искать, как содержать их во фразе поменьше.

Оставалась втуне и чисто русская свобода образования наречий, в которых таится главный задаток краткости нашего языка. [...]

Мало использовалось преобразование глаголов приставками, почти от каждого застыло лишь несколько главных форм, и нас теперь поражает такое простое сочетание, как: *он остегнулся* (нам понятнее: он застегнулся, попадая петлями на несоответствующие пуговицы). Мы усвоили, что можно *на-клонить, от-клонить, при-клонить*, но нас почему-то удивляет *рас-клонить* (ветви); приняв *уклониться*, мы чураемся *уклонить* (кого, что) (Солженицын 1965).

4 В анализ механизмов глагольного словообразования Солженицына включены ранняя повесть *Один день Ивана Денисовича* (1956) и более поздний роман *Раковый корпус* (1967), которые в полной мере отражают специфику творческой манеры и языка писателя. Выводы, сделанные в данной статье касательно словообразовательных механизмов, вполне применимы и к другим произведениям автора.

5 Поскольку для механизмов словопроизводства статус новообразования не важен, здесь и далее по тексту мы не делаем более разграничений между словами потенциальными и окказиональными.

6 Если в первом случае мы имеем дело главным образом с суффиксальным способом, то во втором – с префиксальным способом словообразования.

7 Примеры из *Один день Ивана Денисовича* приводятся по дипломной работе Ришарда Удеса (Udes 2011).

8 Значения узальных глаголов приводятся по Ожегов и Шведова (1993).

9 В примерах сохраняется авторская орфография и пунктуация.

10 В данной статье не рассматривается связь префиксации и перфективации.

11 Под словообразовательной моделью здесь понимается “ряд приставочных глаголов вместе с его семантическими (структура толкования), синтаксическими (сочетаемость ограничения) и какими-либо иными свойствами, а также семантико-прагматическими признаками глагольных основ и контекстов, сочетающимися с данной структурой толкования” (Кронгауз 1998: 257).

12 Данный глагол надо отличать от просторечного глагола *разнаряжать* с окончательным ударением в значении ‘одевать во все лучшее, украшать’.

13 Интересно отметить, что в *Раковом корпусе* новообразований с вымышленными корнями не найдено.

14 В этом Солженицын резко отличается, например, от Цветаевой, которая также часто прибегала к словотворчеству в своей поэзии. О механизмах словообразования у Цветаевой см. Зубова (1989).

15 См. далее о продуктивности приставок в русском языке в Земская (2009: 83).

СЛОВОТВОРЧЕСТВО СОЛЖЕНИЦЫНА

16 По данным интернета, *дотемнеть* встретилось 7 раз, *оттрагивать* – 5, *застыживать* – 5, включая и цитаты из Солженицына. В то же время *отненавидеть* отмечено 245, *урекаться* – 219, *изморять* – 150 и *домереть* – 111 раз.

Литература

- Балдаев, Д.С., Белко В.К., Исупов И.М. 1992. *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона*. Москва.
- Винокур, Т.Г. 1965. 'О языке и стиле повести А.И. Солженицына "Один день Ивана Денисовича".' *Вопросы культуры речи*, 6, 16-32.
- Горовая И.Г. 2009. *Авторские окказионализмы в романе А.И. Солженицына "Красное колесо" / "Август четырнадцатого" (на материале сложных прилагательных)*. Автореферат канд. филол. наук. С-Петербург.
- Даль, В.И., 1991. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва.
- Земская, Е.А. 2000. *Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995)*. Москва.
- Земская, Е.А. 2009. *Словообразование как деятельность*. Москва.
- Зубова, Л.В. 1989. *Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект*. Ленинград.
- Кронгауз, М.А. 1998. *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*. Москва.
- Миськевич, Г.И. 1977. 'К вопросу о норме в словообразовании.' *Грамматика и норма*, 42-83. Москва.
- Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. 1993. *Толковый словарь русского языка*. Москва.
- Подгаевская, А.В. 2008. *Концептуализация пространства и ее отражение в русском языке*. ROES, 10. Amsterdam.
- Ремчукова, Е.Н. 2004. *Морфология современного русского языка. Категория вида глагола*. Москва.
- Ржевский, Л.Д. 1969. 'Творческое слово у Солженицына.' *Новый журнал*. Нью-Йорк, 96, 76-90.
- Семенова, Г.П. 1996. 'О языке произведений А.И. Солженицына.' *Русская речь*, 3, 19-28.
- Солженицын, А.И. 1965. 'Не обычай дегтем щи белить, на то – сметана.' *Литературная газета*, 4.11.
- Солженицын, А.И. 1997. *Один день Ивана Денисовича*. Москва.
- Солженицын, А.И. 2007. *Русский словарь языкового расширения*. Москва.
- Солженицын, А.И. 2009. *Раковый корпус*. Москва.
- Спиваковский, П.Е. 1998. *Феномен А.И. Солженицына: новый взгляд*. Москва.
- Чалмаев, В.А. 1994. *Александр Солженицын: Жизнь и творчество*. Москва.
- Шатуновский, И.Б. 2009. *Проблемы русского глагола*. Москва.
- Якобсон, Р. 1987. *Работы по поэтике*. Москва.
- Carpovich, V.V. 1976. *Solzhenitsyn's peculiar vocabulary. Russian-English Glossary*. [PhD thesis.] New York.
- Comrie, B., Stone, G., & Polinsky, M. 1996. *The Russian language in the 20th century*. Oxford.
- Udes, R. 2011. *De woordvorming van A.I. Solzhenitsyn*. BA-scriptie. Universiteit van Amsterdam. Amsterdam.